

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

Искусство большой правды

За несколько дней до опубликования решения Комитета по Ленинским премиям в Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина состоялось двухсукотное представление «Оптимистической трагедии».

Двести спектаклей. Двести аншлагов. Почти триста тысяч зрителей, ушедших из театра потрясенными бессмертной красотой человеческого подвига.

Через двадцать лет после первого рождения героической эпопеи Всеволода Вишневского и почти сорок лет спустя после описанных в ней событий пьеса вернулась на сцену не как волнующее воспоминание о прошлом, но как живое свидетельство нерасторжимой связи времен, как немеркнущая революционная поэзия нашей жизни.

Нержавеющий металл правды придает живым голосам героев «Оптимистической трагедии» звонкую силу. Эта правда равно покоряет тех, кто сам был участником революции, и тех, за счастье которых сражались герои трагедии.

Прошло два года с тех пор, как отшумела премьера. Умолкли горячие споры. Забыты хвалебные рецензии. А спектакль, созданный коллективом, живет, волнуя своей большой правдой. По-прежнему, когда по серой бесконечной дороге идут и идут за Комиссаром балтийские моряки, весь зал аплодирует в неукротимом порыве любви к людям, своей жизнью отстоявшим завоевания революции.

Только объединенные усилия всего коллектива могли привести к такой полной и слитной реализации авторского замысла. Гражданское и творческое чутье всех исполнителей, талантливая работа художника А. Босулаева, проникновенная музыка Кара Караева определили политический темперамент спектакля, его внутреннюю цельность и пластическую завершенность. Но в стройном звучании произведения нетрудно различить два ведущих голоса — режиссера Г. Товстоногова и исполнителя роли Вожака Ю. Толубеева. Это была первая творческая встреча крупнейшего мастера сценического реализма Толубеева и сравнительно молодого, всегда ищущего новое режиссера Товстоногова.

Когда осенью 1949 года режиссер Товстоногов выпустил свой первый спектакль в Ленинграде, Толубеев уже вошел в блестящую полосу своего расцвета. Прямой наследник могучих традиций русской реалистической школы, ученик одного из верных хранителей и продолжателей сценического реализма — Л. Вивьена, Толубеев неразрывно связан с театральной культурой Ленинграда. Ленинградцы были свидетелями и ценителями его первых выступлений в молодом коллективе студийного типа, Театре актерского мастерства, которым руководил Вивьен. Ленинградцы с интересом следили за возрастающими успехами Толубеева в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. С тех пор искусство Толубеева непрерывно совершенствовалось, достигнув высокого мастерства и мудрой простоты выражения.

Люди, которых играет Толубеев, во всем достоверны, они приходят на сцену прямо из жизни. Особые душевные приметы, переплетение самых различных качеств отличают каждого данного человека от всех других, сегодняшний день его жизни от вчерашнего и завтрашнего. Новая роль для Толубеева — не очередной сценический персонаж, а реальный человек со своей конкретной биографией, со своей непохожей судьбой. Плакатное изображение так же чуждо актеру, как кропотливое соблюдение внешнего правдоподобия, как рабское подражание натуре. Частная правда незаметно и органично перерастает у него в исчерпывающую правду социального обобщения. Правда Толубеева это крупная правда явления, а не факта.

Стремлением к этой большой правде пронизано и искусство Товстоногова. Четкость композиционного построения, свобода и новизна приемов, непринужденная гибкость театрального языка, богатство ритмов в спектаклях Товстоногова ведут к широкому обобщению, к образному выражению идеи, к поэтическому преображению жизни. В основе самого дерзкого его замысла всегда лежит реальная жизненная предпосылка, а самая суровая и неприкрытая правда жизни неизменно ведет к глубокому поэтическому осмыслению действительности.

Режиссерский замысел «Оптимистической трагедии» совместил

эпическое и лирическое начала пьесы. Конкретность отдельных человеческих судеб только подчеркнула широту исторического охвата событий. Спектакль, ярко театральный по своему приему, глубоко партийен по духу. Лаконичное решение сценического пространства. Ничего случайного. Все мужественно, просто и строго. Все подчеркивает суровый героизм происходящего.

Талант Товстоногова не ограничен узкими жанровыми пределами. Его увлекают ораторский пафос Вишневского и язвительная горечь Салтыкова-Щедрина, героическая лирика Фучика и озорная игра веселого водевиля, жгучая боль Достоевского и поэзия сегодняшнего дня, раскрывающая красоту духовного облика нашего современника. Но сквозь все самые разнообразные искания режиссера проходит его любовь к героической теме. Она определила успех спектаклей «Дорогой бессмертия» и «Гибель эскадры». С особой силой она раскрылась в «Оптимистической трагедии».

Не признает жанровых ограничений и Толубеев. Умея подняться до высот трагического, он обладает даром смешного. Жесток и вкрадчив Городничий в «Ревизоре». Залит добротой, как солнечным светом, Сорин в «Чайке». Буднично прост мудрый генерал Пантелеев, идущий на смерть, как на рядовое задание. Прихотливо изворотлив коварный шут Полоний в «Гамлете». Живое человеческое чувство проступает из-за заскорузлого покрова одичавшего и опустившегося обитателя ночлежки Бубнова в «На дне». Но в этой галерее разных и всегда живых характеров отчетливо видна живая душа актера, ярко выраженное национальное своеобразие, приметная и крупная индивидуальность. Поэтому Толубеева всегда можно узнать и в то же время никогда нельзя представить заранее.

Узнать режиссера значительно труднее. И все-таки индивидуальность Товстоногова всегда узнаваема. Из этого вовсе не следует, что остальные участники спектакля складывают свое творческое оружие и отступают в тень; напротив, острота постановочного замысла не убивает, а выявляет личность исполнителя. Оркестровая цельность его спектаклей не заглушает отдельного инструмента. Не случайно в работе с Товстоноговым по-новому и в лучших своих проявлениях открылись десятки актерских индивидуальностей.

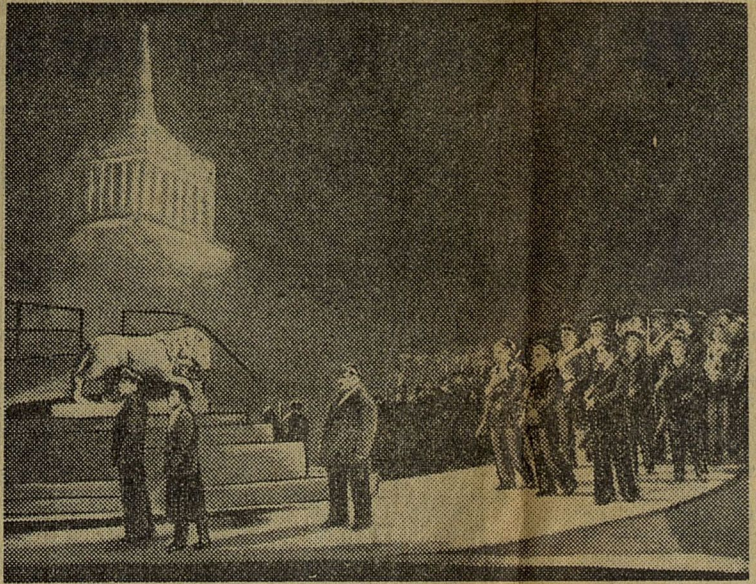
В тех случаях, когда Товстоногов сталкивается с актером крупной индивидуальности, происходит ценный в искусстве процесс взаимообогащения. Так было недавно в «Идиоте», где актер И. Смоктуновский обогатил режиссерскую концепцию и где по замыслу режиссера весь спектакль (иногда даже в ущерб другим) «играет» тему Мышкина. Так было и в «Оптимистической трагедии», где мощная реалистическая правда Толубеева стала опорой центрального конфликта.

...Тяжелой силой отмечена грузная, как окаменевшая глыба, фигура Вожака. Из-под измятой морской фуражки выпирает массивная голова, втиснутая прямо в широкие плечи. Ничего живого не осталось в этом опустошенном безверием человеке с мертвящим взглядом маленьких, почти утонувших в набрякших веках глаз. Ничего не осталось в душе, дотла выжженной презрением к людям. Борьба за свободу личности выродилась у него в цепкий инстинкт власти, философия непочинения превратилась в волчье стремление подчинить. Громкие лозунги анархизма свелись к животной борьбе за то, чтобы уцелеть, урвать кусок для себя самого.

Угрожающее пустое пространство отделяет Вожака от всего отряда балтийских моряков. Угрюмый, настороженный, изверившийся, он чувствует себя волком среди волков. Его неприступность, устойчивость, твердость — только средство самозащиты. Его смелость так же обманчива, как его сила. Его власть иллюзорна, потому что она рассчитана на темные человеческие инстинкты. Его сопротивление бессмысленно, потому что он спорит с историей.

Комиссар бесстрашно пойдет навстречу смерти, поддерживаемый сознанием революционного долга. Вожаку нечего предъявить перед лицом опасности. Одна биологическая жажда жизни, животная попытка самосохранения исторгнет из него последний, предсмертный крик.

Могучая твердыня власти оказалась безвольной и слабой. Несокрушимая сила обернулась злоб-

Финал первого действия спектакля «Оптимистическая трагедия».

ным ничтожеством. Показав во всей глубине неизбежное крушение индивидуализма, Вожак Толубеева возвел подвиг Комиссара, умирающего для блага будущих поколений. Конфликт спектакля достиг своего высшего драматического напряжения.

Толубееву близки крупные характеры, значительные идеи, большие проблемы. Он идет по широкой и прямой дороге современного искусства. Его творческий горизонт ясен и виден издали. Его зрелость наступила, но он не угрожает повторением пройденного. Его герои не могут повториться, как не повторится один живой человек в другом. Толубеев реалист.

И Товстоногов убежденный реалист. Он весь — в пути, в движении, в безостановочных поисках нового. Интенсивно шагая по дорогам искусства, он все время пробует еще неиспытанное... Он не признает повторения уже сделанного, потому что раз открытое кажется ему пройденным.

Его живой интерес к новому и разному не всегда ищет опоры в полноценном литературном материале. Иногда он приводит его к произведению привлекательным, но не исчерпывающим того большого человеческого содержания, которое вкладывает Товстоногов в свои наиболее значительные работы.

Товстоногов с азартом откры-

вателя переходит от мужественной романтики «Оптимистической трагедии» к подкупающей жизненности лирической «Первой весны», от гармоничных пропорций «Лисы и винограда» — к сгущенной эмоциональности «Идиота». А после пронзительной, суровой, требующей самоограничения правды Достоевского неожиданно возникает графически изысканный, музыкальный «Синьор Марио пишет комедию» по пьесе прогрессивного итальянского драматурга Альдо Николаи.

Наверно, не все разносторонние поиски одинаково необходимы и полезны ему. Но без них невозможно движение. В конце концов, как притоки одной реки, они образуют в месте слияния широкое течение жизни, которая и питает режиссера.

Требовательность к своему творчеству, гражданская серьезность отношения к искусству, глубокое доверие к зрителю, открытая готовность обновлять свой багаж сближает таких непохожих художников, как Толубеев и Товстоногов. Их непохожесть только свидетельствует о богатстве искусства социалистического реализма.

То, что сделали эти художники, оставило свой след в искусстве советского театра. Но мы уже с надеждой ждем того, что они скажут завтра о нашей великой эпохе, о нашем славном современнике.

Р. БЕНЬЯШ.